

Тиат, откинувшись на спинку кресла в расслабленной позе, пристально разглядывал её.

Она немного робела, но страха не испытывала.

Бросив быстрый взгляд на Джока и получив от него едва заметный кивок, Лайл отбросила последние сомнения. Легким шагом она подбежала к Тиату и извлекла из глубокого кармана своего мешковатого верха бумажную розу.

— Подарок.

Тиат не взял её.

Протянутая рука девушки застыла в воздухе. Она заколебалась, не зная, стоит ли продолжать.

Помедлив, она, не опуская руки с оригами, обхватила шею Тиата и прижалась щекой к его щеке.

Как раз в тот момент, когда она хотела отстраниться, в кабинете появился Винсент.

Дверь открылась, стража удалилась.

— Постой, — Тиат слегка согнул пальцы, постучав костяшками по столешнице. — Почему в этот раз ты не просишь меня о помощи?

— Гарантирую, если ты вернешься на Экспериментальную базу сейчас, с тобой уже не будут обращаться так, как прежде.

То, что он до сих пор не сошел с ума, говорит о его железной воле.

— Простите, я не должна была убегать, — она, словно лишенная души, поплелась к Винсенту.

Подойдя к нему, она ухватилась за его холодный серебристый протез: — Прости. Я искуплю свою вину, делай со мной что хочешь.

Вот это поворот.

В его серо-голубых глазах полыхал гнев, от образа утонченного подонка не осталось и следа: — Ты кто такая, чтобы сметь просить у меня прощения?

Это попытка скрыть изможденное лицо или царапины на лбу? Всё-таки Сири неплохо дерется.

— И правда? — переспросил Тиат.

— Стоит тебе сказать, что ты хочешь, чтобы я тебя спас, и я избавлю тебя от него.

Винсент: — Что такое, ты тоже стала его верной собачкой, как этот импотент?

Джок вышел вперед и, схватив её за предплечье, укрыл за своей спиной.

— Ничего страшного... Мне уже достаточно того, что я увидела господина Тиата.

— Прости, — её глаза покраснели.

Она перестала сопротивляться.

Лайл искоса поглядела на него.

Не дожидаясь обвинений, она тут же разжала руки, обнимавшие Тиата, и бумажный цветок упал на пол.

Подняв голову и увидев происходящее, он на секунду замялся, прежде чем вымолвить: — Консенсус.

Даже в его присутствии она могла игнорировать любимого Тиата, что лишь доказывало абсолютный контроль Винсента над ней.

Лайл посмотрела на Джока, потом на Тиата и, поджав губы, вышла из-за спины защитника: — Простите, что доставила вам хлопот.

Взгляд Винсента был ледяным: — Она — нищая без роду и племени, моя собственность.

Он был слишком напуган, чтобы осознать непоправимость своих действий.

Лайл невольно задрожала. Она стояла в тени Винсента, словно накрытая грозовой тучей, и вся та крупница мужества, что она накопила за последние дни побега, иссякла.

— Прости, — прошептала Лайл, глядя в пол.

Винсент сделал широкий шаг вперед, лицо его помрачнело: — Уже нашла себе нового покровителя? Я явно тебя недооценивал.

Она так долго путалась с Сири, и он еще ни разу не видел Винсента в таком яростном бешенстве.

— Доброго дня, господин Тиат. Касательно подопытной с бета-уровнем, думаю, нам следует прийти к... — он снял твидовую кепку и, едва переступив порог, отвесил безупречный поклон.

— Лишь бы ты был доволен.

Лицо Лайл было бледным, но в душе она аплодировала ему — наконец-то он это сказал.

Надзорный комитет обязан защищать каждого омегу и разрешать споры между альфами и омегами.

Лайл это удивляло.

Она полминуты пряталась за спиной Джока, бессознательно сжимая ткань на его плечах в складки.

Винсент, гордящийся своим знатным происхождением, всегда смотрел на всех свысока и презирал подобные вещи вроде кепок, считая их легкомысленными и неподобающими.

Винсент забивает гол.

— Я... — губы Лайл дрожали, она казалась потерянной и не могла даже оправдаться.

Последние дни он не только успокаивал Сири, но и отбивался от членов Надзорного комитета.

Винсент холодно посмотрел на неё, рывком схватил за запястье и потащил прочь.

— Ха, прости? — Винсент выглядел еще более взбешенным.

Мало того, что на него взвалили все эти необоснованные обвинения, так еще приходилось выкраивать время на операции по установке протезов.

Сири настаивал, что это Винсент сломал ему руку, потому что тот спровоцировал ранний период течки и пытался насильно оставить на нем метку.

Сири был уверен, что Винсент спрятал Лайл или убил её, и целыми днями, сжимая в руках тот самый рваный платок, метался, словно обезумевший, и истязал его.

Лайл уже вышла за ворота вслед за Винсентом.

Разумеется, это была ложь.

В последний момент она внезапно вернулась, вцепилась в створку ворот и, как бы Винсент ни тянул, не разжимала пальцев.

Винсент сжимал её запястье так сильно, что кости захрустели.

— Прошу... спасите меня! Я хочу навсегда остаться с господином Тиатом и Джоком.

Она заливалась слезами, и Тиат, наконец, остался доволен её поведением и решимостью.

Лайл с облегчением разжала руки. Стража по приказу Тиата вошла в комнату, чтобы скрутить Винсента, а Джок уже давно был наготове.

Она мягко опустилась в объятия Джока и, уткнувшись ему в плечо, тихо всхлипнула: — Джок, мне так больно.

Джок крепко обнял её, тихо успокаивая: — Все хорошо.

Только теперь Винсент понял, что его снова обвели вокруг пальца. Он вырвался из рук стражи, его серо-голубые глаза пылали от ярости: — Я подам отчет в Императорский Двор.

— Даже у тебя нет права присваивать собственность Экспериментальной базы.

Тиат снова откинулся на спинку стула, перебирая пальцами по столу, словно играя на пианино: — Как хочешь.

Он выглядел довольным.

Винсент насмешливо фыркнул, снова натянул кепку и, мрачнее тучи, удалился.

Джок поставил Лайл на пол. Она смотрела на Тиата, как на божество, спасшее её из ада: — Есть ли что-то, что я могу для вас сделать?

На её лице еще оставались следы слез, но она старалась улыбаться, в её застенчивости и неловкости сквозило ожидание.

— С сегодняшнего дня я дам тебе новый статус.

— Ты больше не бесправная бета из трущоб.

Лайл кивнула.

Тиат произнес лишь эти две фразы и больше не желал с ней разговаривать. Он повернулся к Джоку: — У неё слишком сильный акцент в соланском, найди ей учителя.

— Заодно обучи её правилам приличия, — он снова открыл документы, возвращаясь к прерванному занятию. — На этом пока всё, остальное обсудим, когда я закончу с делами.

— М-м, времени в обрез, соланский язык тоже нужно включить в расписание.

Фарс закончился, и Лайл наконец ждал успех и безбедная жизнь.

Она выбралась из мрачной тесной камеры допросов и теперь могла ходить по территории Усадьбы Белой Звезды.

Усадьба Белой Звезды располагалась в самом центре Моря Песков. Это было роскошное здание в ретро-стиле, пропитанное духом экзотики.

Помимо защитного купола над городом, здесь был свой малый купол — поговаривали, что он служит для изоляции от шума и жары.

Лайл окинула взглядом окрестности: вокруг зеленели густые насаждения, было прохладно и тихо, повсюду виднелись фонтаны причудливых форм.

Настоящая роскошь.

В таком расточительном месте Тиат жил в одиночестве. А ведь до того, как она встала на кривую дорожку, у неё не было денег даже на воду.

Едва она немного прогулялась, как начала жаловаться на усталость, и Джоку пришлось нести её на спине.

— Можешь выбрать любую комнату.

Лайл, развалившись на его спине, словно у неё не было костей, указала на четырех-пятиэтажную башню посреди двора: — Я хочу жить там, можно?

— Почему бы и нет, — он пронес её по длинной винтовой лестнице и доставил к месту проживания.

Внутри всё было просто, но имелись все необходимые вещи. Снаружи была круглая терраса, с которой открывался вид на всю Усадьбу Белой Звезды.

Как наблюдательная вышка: сверху было видно любое движение внизу.

Лайл осталась довольна. Она радостно каталась по кровати.

Едва она сделала пару кувырков, Джок подхватил её, как цыпленка: — Кругом пыль, неужели не противно?

Он взглянул на небо: солнце уже село, а луна вот-вот должна была взойти.

— Ты еще не мылась.

На складках её одежды было полно красок и пигментов.

Каждый день после обеда они вместе смотрели передачи по оригами, не пропуская ни выпуска.

Наконец, следуя инструкциям с экрана, она сложила бумажную розу, на которую можно было смотреть без слез, а потом выяснилось, что её нужно красить из пульверизатора. Теперь вся одежда была испачкана.

Тиат не обратил внимания, но Джок видел всё отчетливо.

— Сначала в душ, — он упер вторую руку в бок и добавил строго: — Помимо уроков культуры и этикета, я считаю, что у тебя серьезные проблемы с личной гигиеной.

Возможно, из-за долгого заточения у неё совсем не выработалось привычки следить за собой.

Лайл обхватила его за пояс своими ногами и сказала: — Помой меня.

С тех пор, как она отбросила стыд и делегировала купание этому банщику, жизнь стала гораздо проще.

— Нет, — на этот раз он отказал категорично. — Ты должна научиться самостоятельности, господин уже неправильно истолковал наши отношения.

Лайл висела на нем, кряхтя и поскуливая, и прикрывалась именем Винсента: — Да какая разница? Винсент раньше всегда мне помогал.

Она продолжала давить на жалость: — Кажется, я господину не нравлюсь.

— Хорошо уже то, что тебе позволили остаться, — Джок был обеспокоен, не понимая, зачем господин вообще оставил её при себе.

— Мы сложили розу, но он её не взял, — голос Лайл упал, настроение испортилось.

Джок замер.

Когда она встретила Винсента, бумажная роза упала на пол. Господин Тиат не обратил на это внимания и не собирался её поднимать.

Когда кресло Тиата сдвинулось с места, цветок попал под колесико, его переехало несколько раз, и он превратился в грязный комок.

Гербом дома господина была роза.

Лайл узнала из телевизора, что если кто-то нравится, нужно выразить свои чувства, и подарок — один из лучших способов.

Но она была всего лишь пленницей, у неё не было ни денег, ни материалов.

Только куча бумаги, которую приносил Джок, когда учил её грамоте.

На них были написаны десятки имен Тиата — и на соланском, и на общем языке. От первых кривых каракулей, похожих на следы насекомых, до сегодняшнего аккуратного почерка.

В том, что касалось учебы, Лайл никогда не ленилась.

Она обняла Джока, пристроившись на его крепких предплечьях, и прошептала: — Это был мой самый лучший экземпляр.

— Без ошибок.

— Ты сам меня хвалил.

Джок: — М-м.

Он спросил: — Ты сильно расстроена?

— Ничего, в следующий раз я постараюсь еще лучше, — ответила она. — Мне нравится Тиат, так что все нормально.

Это она просто еще недостаточно хороша.

Джок похлопал её по голове: — А если в следующий раз ты напишешь мое имя, я тебя хорошенько похвалю?

Лайл: — Еще чего.

Она старательно исполняла роль верной собачки вовсе не потому, что ей нужны были чьи-то жалкие похвалы.

<http://bllate.org/book/21009/2136021>